

Чижевский, Д. Две родословных Гоголя / Д. И. Чижевский // Родословие Н.В. Гоголя: статьи и материалы. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 253-259.

Чухлиб, Тарас. Прототип гоголевского Тараса Бульбы – далекий предок писателя, гетман Остап Гоголь / Т. В. Чухлиб // Зеркало недели (Киев). – 2002. – № 28 (403); перепеч. в изд.: **Чухлиб, Т.** Гетьмани Правобережної України в історії Центрально-Східної Європи (1663 – 1713). – Київ, 2004.

Setchkarev, Vs. Gogol: His Life and Works / Vs. Setchkarev. – New York, 1965.

Stilman, Leon. Nikolaj Gogol und Ostap Hohol / L. Stilman // Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. – Muni, 1966. – S. 811-825.

Е.И. Кулаковская¹

Алтайская академия экономики и права

«ПО ИМЕНИ И ЖИЗНЬ»: ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОНОМАСТИКА В РАССКАЗЕ Б.ЕВСЕЕВА «БОРИСЛАВ»

В статье автор рассматривает онтологическую схему рассказа «Борислав» Б. Евсеева. В ходе онтологического анализа выявляется взаимосвязь имени и судьбы героев, тайное значение имён, открывается в неожиданных эпизодах образная и ассоциативная сторона процесса взросления. В тексте имена (Авиахим, Борислав, Ника) контекстуально объединяются и взаимодействуют в пределах единой темы «силы имени» и темы полёта.

В прозе Б. Евсеева имена героев чаще диктуются общим замыслом, а не своеволием автора. Ономастическая система Б. Евсеева – это, прежде всего, пространство «силового» поля собственных имен.

Ключевые слова: имя, судьба, сила, онтологическая поэтика, звук, смысл, детство, мама, язычество, христианство.

---

¹ Евгения Ивановна Кулаковская, выпускница аспирантуры АлтГПУ (Барнаул)

E. I. Kulakovskaya

Altai Academy of Economics and Law

**"AFTER THE NAME IS THE LIFE": THE
ONTOLOGICAL ONOMASTICS IN THE STORY
"BORISLAV" BY B.EVSEYEV"**

In the article the author considers the ontological scheme of the story "Borislav" by B. Evseyev. In the course of the ontological analysis the interrelation between the name and the fate of the heroes, the secret meaning of the names are revealed. The figurative and associative aspects of the growing up process appear in the unexpected episodes.

The names (Aviakhim, Borislav, Nika) are contextually united in the text and interact within a single theme "the power of the name" and the theme of the flight.

In B.Evseyev's prose the names of the heroes are more often dictated by the general plan, and not by the will of the author. B. Evseyev's onomastic system is, first of all, the space of the "power" field of the corresponding names.

Key words: name, destiny, power, ontological poetics, sound, meaning, childhood, mother, paganism, Christianity.

В 2006 году в журнале «Октябрь» вышла подборка из трёх рассказов Б. Евсева под общим названием «Тайная жизнь имён»: «Борислав», «Дневные огни» и «Жизнь уходит». Все эти рассказы объединяет единая тема – значения именованья в судьбе человека. Настоящая статья посвящена первому из этого цикла рассказу «Борислав».

«В цикле “Тайная власть имен” (прежде всего в рассказе «Борислав») Борис Евсеев делает шаг к смене функций жанра рассказа, уходя от его обычной эпизодичности, самозамкнутости в ограниченном числе героев. Новый тип рассказа-новеллы у Евсева сочетает в себе напряжённую событийность западной новеллы с традиционной лиричностью русского рассказа» – отмечает А.Ю. Большакова [Большакова, 2004, с. 54].

Онтологическая схема текста строится на отчётливо фиксируемых автором взаимосвязях имён и судеб героев. Приближаясь к распознаванию линий судьбы, автор указывает на невероятно влекущую и скрытную силу имени. В ходе анализа

подтверждается ключевая мысль автора: «Все выверты жизни, не от судьбы – от имени» [Евсеев, 2007, с. 265]¹.

Главный герой рассказа – Борислав (здесь явны автобиографические аллюзии). Это имя русского, славянского происхождения и является сплавом двух корней «борьба» и «слава», таким образом, может означать либо «борющийся за славу» либо «славный борец».

Однако автор заявляет об онтологическом характере звучания любого имени. Вариативность именовании, по его мнению, приводит к необратимым, внерациональным, но вполне ощутимым самовыражениям героя. Это проявляется в прозе Евсеева через насыщенные образами сравнения и метафоры. Например, в рассказе читаем: «Борис – суховатая надсада и никакой ни на что надежды. Борислав – столбик света, пробирающийся насквозь густо дымящую мусорную кучу в конце двора. Борис – резковатый, несдержанный. Борислав – лёгкий, славный» (с. 265). Получается, что у имени есть не только внешняя сторона звучания, но и глубокий смыслопорождающий уровень значения. Имя бытийствует, оно выбирается ни в коем случае не случайно и материализуется в эмблематических эпизодах рассказа. В рассказе «Борислав» мама героя тонко ощущает подходящую форму звучания имени сына, понимает характер имени, его колорит и энергию: «Однако каким я был внутри себя и какое имя мне точней всего подходило, знала только мама» (с. 265). Именно поэтому она звала сына Бориславом. Но в разные периоды жизни имя героя наполнялось новыми смыслами.

Важной в рассказе является эмблема детства. И у Евсеева «дети живут в другом онтологическом измерении» [Семыкина, 2007, с.145]. Время погружается в туман вместе с мальчиком и протекает среди улиц города. Сочетание символического и реального помогает автору передать яркие впечатления маленького Борислава, который впервые оказался в городе и за его пределами: «Я дошёл до края

---

¹ Далее текст произведения цитируется по этому изданию. Номер страницы указывается в круглых скобках после цитаты.

пустыря, нашёл проход между мусорными кучами... И словно споткнулся о невидимую преграду» (с. 266).

Поскольку онтологическая поэтика тяготеет к буквальному прочтению событий, то мы понимаем, что мальчик заблудился в реальной действительности, а в символическом прочтении – попал в «город шатров». Люди в данном эпизоде (прежде всего это дети) выходят из шатров, теряются в тумане, переодеваются, внезапно появляются и исчезают. В конце концов, мальчик понимает, что перед ним цыгане: «Крадущее детей, угоняющее лошадей и крупный рогатый скот, сбивающее с толку матерей и навсегда уводящее из дома отцов жадно-ужасное племя» (с. 272).

Эмблематический эпизод встречи с цыганами полон опасностей, новых открытий и жалости к пойманному ромалами ежу. Ёж без иголок здесь – символичное выражение сложной ситуации, в которую попал герой. Мальчик беззащитен в новом, не известном ему пока мире, так же как и еж без иголок, символизирующий беззащитность: «Ежа было жалко до слёз» (с. 273). Кроме того, Борислав сталкивается с безнаказанным избиением цыганских матерей и жён: «бородатый выволоч из-за шатра полуголую старуху с отвратительно длинными, как поленья, грудями, придавил её к земле, потом ударил ногой» (с. 273).

Итак, внутренняя сила имени «Борислав» увлекает героя в дикий и абсолютно чужой для него мир.

Ещё одна иноформа «силы имени» показана в речах другого героя – «дурацкого учителя», «полуцыгана Архипки». Он, также как и мама Борислава, принимает во внимание внутренний, глубокий смысл имени. При этом он связывает имя с мечтой ребенка: «Я самолёты люблю! Даже имя хочу себе переменить: Авиахим буду! С таким именем летать легко» (с. 276).

Так, имя Авиахил, которое содержит в себе сему «авиа», намекает на такие слова, как авиабилеты, авиафлот, авиакомпания и т.д. Значение микроэмблемы «авиа» передвижение по воздуху. В онтологическом ключе рассказа она помогает полуцыгану Архипке преодолевать всё суетное и приземлённое и символизирует одно из свойств человеческой души – стремление к полёту. Здесь имя являет

собой то, чего хочет достичь человек, настолько, насколько это вообще возможно.

Но пока он носит имя Архипка, его желание остаётся не реализованным и даже не осознанным до конца: «Петляет меж кострами с громадным красным пропеллером в руках, а потом стоит с ним в обнимку, словно не зная, что с этой штуковиной делать, “дурацкий учитель” Архипка» (с. 277). Оглядываясь на обозначенные эпизоды, видим, что объявленный исходный смысл «сила имён» в рассказе выражается, на первый взгляд, в новых обстоятельствах. Однако если посмотреть детально, то становится очевидна единая онтологическая связь рассматриваемых ситуаций. Как Борислав, так и Авиахил, – это не просто имена, это материализованные в звуках имени судьбы людей. В случае Борислава – страха и притяжения ко всему новому.

Впрочем, и сам ребёнок начинает понимать и ощущать тягу имени. Тайный смысл своего имени он чувствует благодаря известным ему с детства образам: «Ведёт и уводит моё странное и прекрасное, ни на чьё в мире не похожее имя! Имя, которому обязаны помогать кукушка и явор, виноград и Ховала» (с. 277).

«Неопределённость и многовозможность замысла сменяются реальностью имён, обстоятельств, поступков, которые начинают развиваться, двигаться в буквальном смысле сами собой» [Карасёв, 2001, с. 21].

У имени оказываются свои помощники, словно ангелы-хранители имени и самого человека, который его носит, но только из мира природы, преданий, сказок. Например, кукушка, в данном рассказе выступает отправной точкой всех событий, произошедших с Бориславом: «Мама долго звала меня Бориславом, но потом – перестала. Правда, произошло это не сразу, постепенно. А началось вот с чего. Ночью – почти утром – на голом яворе закуковала кукушка» (с. 265). Кукушка в тексте символизирует начало значительных событий.

Важной в эмблематической топике рассказа является эмблема огня (или «огонь»): «Из дверей кузницы время от времени полыхало огнем, искры вырывались и через разобранную в одном

месте крышу. Раньше огненных кузниц я никогда не видел, и поэтому встал как вкопанный» (с. 278).

Авторский импульс реализуется в таких символах как огненные капли тумана, костры, каштановые волосы, красная кофта в белый горошек, красный пропеллер, красная ладонь. Так, цветовая схема выражает через значение красного цвета силу, власть имени. Герой окружён в тексте красным цветовым фоном. Это вещи, предметы, элементы тела людей и т.д. Ему помогает сила имени. Влекущая сила имени в рассказе – это также едва различимые, ничего не весящие капли туманного огня. Эмблема «огненных капель» зовёт мальчика во взрослую жизнь, которая стоит перед ним пока ещё как густая, непроглядная стена. Помимо различных ассоциаций, имя героя в тексте звучит различными голосами: «Борислав! Бо! Домой! Слабым эхом откликаются плавни над глинисто-мутной Кошевой. Причём откликаются сразу двумя голосами: мелодичным маминым и голосом учительницы физкультуры, тоже приятным, но теперь почему-то резковатым, свистящим» (с. 278). Голоса позволяют услышать красоту имени, его отзвуки и смысловые оттенки. Так, первая часть рассказа – это испытание не только мальчика, но и его имени. Тому, как «сила имени» способна оберегать и защищать мальчика. Случайное приключение Борислава, эмблематичные эпизоды-встречи у цыган, отсекают его детские страхи.

При возвращении домой герой оказывается в точке онтологического минимума, с которой начнётся новый виток его жизни. Здесь же подробное описание получает сказочный спутник имени «Похвистень»: «Увидеть вихрь и в нём – Похвистня! Об этом самом Похвистне совсем недавно рассказывала, делая глаза злыми и узкими, старуха Чеслава» (с. 278). Воображаемые мальчиком персонажи встречаются в славянской мифологии. «Похвистень – это старший ветер, считается богом бури. Сын или внук Стрибога. Бог северного ветра.

Ховала – мощный ведический образ, которого древнеславянская традиция воплотила в виде высокого и седого старика, предвечно блуждающего по земному миру. Отличительная особенность этого «дедушки» – ясные и светлые, будто бы

пылающие очи и лёгкая льняная одежда, в которой он ходит даже в самые лютые морозы. Некоторые источники утверждают, что вокруг головы Ховалы на невидимом обруче располагаются двенадцать огненных глаз, на самом же теле этих «глаз» шестнадцать, по числу славянских Чертогов»

Эффекты природного окружения имени, его образной сущности очень тонко прослеживается во всём тексте. Каждое воспоминание мальчика в рассказе, так или иначе дополняет ассоциативный ряд, связанный с именем и его проявлениями. Вспомним, что смыслопорождающим и текстообразующим элементом в тексте является появление кукушки. Сначала как отправной точки, после которой происходят неожиданные события и взросление Борислава. И второй раз в середине рассказа, когда мама и сын идут мимо явора. Образ кукушки отсылает к тайнам бытия, страшит и тревожит: «Мне показалось: мама думает – кукушка, прокуковав пару раз, смолкнет. Но та куковала и куковала, и я видел мамину, постепенно разглаживающую морщины, радость, слышал, как она, что-то быстро и сбивчиво про себя шепчет» (с. 282). Трогательно единение мальчика с чувствами и переживаниями мамы. Он по-детски, но уже осознает материнскую тревогу за жизнь своего ребёнка. Помимо этого, осмысляет все бытовые нюансы их жизни, становится способным примириться с казалась бы несправедливым, но чем-то всё же оправданным ходом вещей: «И я хорошо знаю: мама ни о чём его не попросит. Как раз потому, чтобы он сам не «попросил» нас с квартиры... И мама будет и дальше слушать тупо кукующую кукушку, и трепетать при виде голого, поражающего скрипучестью явора...» (с. 282). Здесь проявляется глубокое умозрение героя, способность ребёнка не просто простить весь мир, но простить через понимание, осознание, что так заведено и так должно быть, по какому-то природному закону. Высота смирения перед беспомощностью матери и неконфликтное восприятие её страхов и бездействия. По сути, прощение всего бытия.

Ещё один значимый эпизод текста – поход Борислава с мамой к сыну священника: «Она просто хочет показать меня священнику. Может, пожаловаться на то, что я воображаю всякую нечисть, вроде Похвистня и Ховалы» (с. 282). Поход к священнику

на онтологическом уровне – встреча в тексте языческой силы имени и христианских традиций.

Своеобразным двойником Борислава является сын священника, старшеклассник по имени Ника. При первой встрече с ним в рассказе даётся его описание: «Он словно только нас и ждал. Радость прямо-таки распирала его. Я даже опешил: чему это он так радуется? Наверное, своему девчачьему имени, наконец догадался я» (с. 283). Герой понимает, что имя Ника не может защитить мальчика. Сразу же автор показывает многовариантность имени этого мальчика, отец зовёт его Ники: «Это по мою душу! – ещё радостней, ещё дружелюбней откликается Ника (или всё-таки – Ники?) и ведёт нас по каменным, сильно выщербленным плитам в дом» (с. 283). Отметим, что Ника светится радостью. Он ничего не чувствует, ни тревоги, ни слабой ассоциативной и смысловой стороны своего имени. Слово «священник» по своему звучанию напоминает имя «Ника», «Ник». Оно содержит в себе это имя, но не даёт ему силы. Двойственность в имени сына священника (Ника, Ник) позволяет сделать вывод о разной энергичной наполненности каждой формы имени. Ника имя более женственное и слабое по глубокой ассоциативной цепочке. Это мы увидим в конце рассказа.

Судьба сына священника оказывается изломанной, ненадёжной, как и его имя. Об этом герой узнает спустя много лет. Внешность Ники передаёт остатки бывшего веселья, но: «Ника (или всё-таки Ники?) был мной опознан сразу! Был он уже не так радостен. Но остатки того давнего сияния, того подросткового веселья ещё читались на его лице» (с. 285). Как мы узнаем из разговора двух официанток, Ника отказался от женщин: «Родственники ума не приложат, как его из этой гей-компании вытащить! А всё Вирсавия... Змея... Это она своим коварством, своей подлостью его от женщин отвадила. Ники, Ники... Ему ведь было дано царское имя!.. А он... он... – никак не могла успокоиться старшая» (с. 285).

Только Борислав понимает тайную пружину в судьбе Ники: «Потому что попал: виновата не какая-то там Вирсавия. Виновато въевшееся в человека и постепенно изменившее всё его естество – имя! Ничего подобного не случилось бы, продолжай этот седоватый

прямой гитарист, казалось, и сам позванивающий, как струна, зваться Николаем, или Николой, или даже, на худой конец, Коляном» (с. 287). Так, имя, данное человеку, становится со временем с ним единым целым, во всех смыслах этого слова.

Наиболее выразителен здесь момент разговора о крещении и данном при крещении имени: «Борисом крестили? – поднимает на маму ястребиные, но в этот момент кроткие и ничуть не страшные глаза священник» (с. 284). Герой оказывается пока не крещённым. Христианские святые Борис и Глеб задают имени определённый смысл: «Пока Бог терпит – так проходит. А перестанет терпеть – так сразу и окрестите. Борисом? Да? Борис и Глеб сеют хлеб – засмеялся он» (с. 284). Священник говорит о смене формы имени очень просто. Но герою это не нравится. Он хорошо знает, чем грозит смена имени и, возможно, пока ещё к ней не готов: «Я Борислав. – Губы мои гадко кривятся, глаза застилает пекучая влага» (с. 284). Ономастика Б. Евсеева онтологична и материализуется в «силе имён», их жизненной тайне: «Самая скрытная на свете сила – сила имён! Имя – единственное, что остаётся от человека в мире. Плотное, звуковое, физическое имя, оно, как маленький огненный столп, облегает тебя! Оно летит по низкому небу и не сгорает! Вложи всего себя в это имя. Как до тебя в него вложили неведомый тебе смысл» (с. 285).

Появление символа огненного столпа не случайно. Во-первых, это тот же огонь, хранящий силу имён. Во-вторых, прочитывается аллюзия к П. Флоренскому и его книгам «У водоразделов мысли», «Имена», где высшим статусом среди слов обладают личные имена. Имя здесь предстаёт столпом любого художественного образа: «Кто вникал, как зачинаются и рождаются художественные образы и каково внутреннее отношение к ним художника, тому ясно, что объявить имена случайными кличками, а не средоточными ядрами самих образов – все равно, что обвинить в субъективности и случайности всю словесность как таковую, по самому роду ее» [Флоренский, 1993, с. 57].

Ещё одним ярким и, пожалуй, самым важным эпизодом на пути взросления Борислава становится полёт с цыганом Архипкой на самодельном самолёте. Действие происходит на конной ярмарке. Воспоминания детства вспыхивают в сознании героя отрывочно.

Здесь и мама, которая, помимо лошадей, любит самолеты и взгляд её обращён к небу. И снова здесь появляются цыгане. Учитель Архипка приносит, сделанный им «ероплан». За два месяца имя производит с ним также некоторые изменения: «Архипка – я это увидел сразу – за прошедшие два месяца тоже сильно изменился. Он стал ещё более резким и дёрганым. Но теперь эту резкость и дёрганость скрывал» (с. 289). Но он также продолжает стремиться к полёту и приносит с собой свет, который видит мальчик: «Мама продолжала разговаривать с завучем Обидиной. Она словно не видела бесподобного сияния и света, которые вдруг разлились над конно-спортивной ярмаркой, над окраиной города, над Турецкими, уже вовсю зеленеющими, Валами» (с. 291). На уровне онтологических символов становится понятно, почему имя Борислав привлекло цыган. Даже сам аэроплан покрашен в красный цвет, который символизирует силу имени и объединяет многие эпизоды в тексте: «Чуть в отдалении от ярмарки, на высоком песчаном горбе стоял крохотный, крашенный в грязноватую зелень, самолёт с красным пропеллером» (с. 292). Самолёт пёстрый, влекущий к жизни, свободному взгляду на мир: «Через минуту мы были в цыганском, выкрашенном, как на продажу, «еропалне!» (с. 293).

Мир, действительно, с высоты представляется совсем иным: «Кое-как втиснулись мы в кабину самолёта с неработающим мотором и увидели внизу другой, не похожий на тот, который только что покинули, мир (с. 293). Однако мальчик осознает смехотворность полёта, его запретность, иллюзорность, но в тоже время и значимость в детском мире. Поскольку он прикоснулся к чему-то пока ещё неведомому для других ребят: «Дети кричали что-то злое и грозили нам кулаками. Они не радовались полёту, а словно бы собирались нас за этот полёт резать и рвать на части» (с. 295).

Огненный столп имени, его огненная сила видится Бориславу в повторяющихся видениях: «В тот день не было гроз и молний, но мне виделся искрящийся мелко огонь, переносимый от спаленного винограда к мелким притокам Днепра княгиней Ховалой. В тот день, покорившись силе своего имени, я видел обёрнутым назад зрением всё, что в песках происходило раньше. Но тут же виденное забывал» (с. 295). Действительность – необычная,

неправильная, незнакомая – противостоит обычной жизни. И она явлена в тексте посредством имён. Но ощутить её может не каждый. Герой знает суть своего имени: «Борислав» – оболочка слова. «Борислав» – плоть жизни и ветра. «Борислав» – имя и эхо. Яблоко. Свет. Звезда. Тайна имени снова и снова тревожит меня» (с. 297).

По мнению Б. Евсеева, существуют тайные имена, существует их не менее тайная жизнь и вытекающая из этой жизни судьба человека. Своё имя герой отождествляет с образами, которые оно вызывает: «Поэтому – стоит произнести «Борислав» («Бо» – раскачка, «ри» – отсчёт, «слав!» – полетел!) – и выковывается крепкая цепочка образов. Сперва тех, что встречались мне в жизни, а потом тех, которых не было, но которые представляются более плотными и осязаемыми, чем сама жизнь (с. 297).

Таким образом, имя становится важнее обыденной жизни, приобретает свои контуры: «Я чувствую: во мне расширяется и крепнет имя. Оно выравнивает хребет, наливает силой пальцы, убирает ломовую боль из суставов. Впереди вместо старости – новая жизнь. Жизнь имён и примыкающих к ним слов, жизнь, где я ничего не трачу даром, никого не боюсь, никого не теряю. Сладко. Весело. Конец?» (с. 297). В жизни имени полёт оборачивается новыми впечатлениями, само имя становится «лётным». В жизни реальной погибает учитель Архипка, у которого не реализовалась сильная, «летучая» сторона имени. Это, кстати, тоже позже поймет сам Борислав: «Вспоминаю я и погибшего в полёте Архипку и всё больше уверяюсь: он сам, своим дурацким Авиахимом, вычертил свою раннюю гибель» (с. 299). Соблазн красивого имени привел цыгана Архипку к смерти.

В прозе Б. Евсеева имена героев чаще диктуются общим замыслом, а не своеволием автора: «Во многих своих вещах я совершенно точно чувствовал: имя героя должно быть только таким (скажем, Василий Нелепин из «Отречённых гимнов», или Володя Человеев из «Офирского скворца»). Имя – не только звук, но и смысловое предчувствие судьбы героя. Судьба Ивана не сходна с судьбой Артура (в русской прозе). Что-либо именуя (человека, дерево, зверя), мы, по сути, проявляем духовную сущность именуемого явления. Для меня, именование в художественном

произведении – высшая радость. Ну, и наконец, повторю за П. Флоренским: «Имя – новый высший род слова». Имя глубоко и неисчерпаемо! Любое имя – уже рассказ, или целый роман (Анна Каренина, Спекторский, Иван у В. Богомолова и мн.др.)» [Из личной переписки с автором].

На протяжении всего рассказа имена тревожат, соблазняют, защищают, манят, указывают, таят. В конце рассказа автор снова взывает к «силе имён», косвенно обращается к ней: «Тихая, тайная жизнь имён. Ничего я о ней не знаю. Знаю одно: назовись и живи! А нет духу назваться самому – живи как назвали» (с. 302). Называя себя другим именем – человек берёт на себя то, чего до конца понять не может.

При возвращении в Москву снова герой сталкивается с тем, что имя тащит за собой цепочку ассоциаций и событий: «Но стоило здесь, в Москве, на околومتрошном рыночном пятачке произнести одними губами имя “Варул”, как тут же за мной увязалась цыганка с голубым попугаем, укутанным в тряпье» (с. 302).

Завершают рассказ трогательные воспоминания о маме: «И в этом синем, обжигающем губы, рвущем кишки и печень вихре – лечу уже не я. Летит ушедшая год назад мама. И покрикивает резко, и поправляет на лице лётчицкие военные очки, и перетянув велосипедными ремешками штанины на щиколотках, постепенно становится прозрачней, светлей... Пока вместе со снежно-славянским, долетевшим и сюда вихрем не исчезает, не уходит в чудовищно-прекрасный, не ухватываемый умом вырей» (с. 302). «И за это время, пока она вместе с посвистом-Похвистом уходит в небытие, я сознаю: имя Борислав, первые семь-восемь лет жизни и мама научили меня чему-то тайному, вечному, тому, чего не учитывает каменное и пустынное, любимое мной до боли, но часто глухо молчащее христианство! Не будь этих семи-восьми лет, я не узнал бы тайно живущего в нас языческого духа рек, садов, дождей, снегов. (с. 302). Духовная возвышенность, легкость мыслеобразов Б. Евсеева в данном тексте проходит по границе между язычеством и христианством.

Детство и взросленье, сказка и жизнь, язычество и христианство, это некие этапы, которые преодолевает герой:

«Христианство – вечность, – думается сладко. – А славянское язычество? Да это ж сказка перед входом в ту самую вечность. Сказка рассеется – вечность останется. Но вспоминать мы будем не вечность – сказку!» (с. 303).

Таким образом, ономастическое исследование рассказа Б. Евсеева «Борислав» позволяет говорить об особой онтологической составляющей процесса именования в прозе автора. Имена собственные, их внешняя, а особенно внутренняя сторона несут значительную онтологическую нагрузку. В тексте имена (Авиахим, Борислав, Ника) контекстуально объединяются и взаимодействуют в пределах единой темы «силы имени» и темы полёта. Ономастическая система Б. Евсеева – это, прежде всего, пространство «силового» поля соответственных имен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Большакова, А. Ю. Феноменология литературного письма: О прозе Бориса Евсеева / А.Ю. Большакова. – Москва: МАКС Пресс, 2004. 2-е изд., испр. и доп. – 140с.

Евсеев, Б. Т. Тайная жизнь имён. Рассказы / Б.Т. Евсеев // Октябрь. – 2006. – № 6. – С. 106-134.

Евсеев, Б. Т. Площадь Революции: книга зимы / Б.Т. Евсеев. – Москва: Время, 2007. – 154 с.

Карасёв, Л. В. Вещество литературы / Л.В. Карасев. – Москва: Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.

Карасёв, Л. В. Онтологический взгляд на русскую литературу. – Москва, 1995. – 104 с.

Семькина, Р. С.-И. О «соприкосновении мирам иным»: Ф.М. Достоевский и Ю.В. Мамлеев / Р. С.-И. Семькина. – Екатеринбург; Барнаул: Изд-во БГПУ, 2007. – 241 с.

Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский. – Москва: Купина, 1993. – 319 с.